анна гавальда

я признаюсь

французский роман

Современная французская проза

Анна Гавальда

Я признаюсь

«АСТ»
2017

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Гавальда А.

Я признаюсь / А. Гавальда — «АСТ», 2017 — (Современная французская проза)

ISBN 978-5-17-106264-4

Я могла бы сказать, что это сборник новелл, историй, что их всего семь и все они написаны от первого лица, но я вижу книгу иначе. Для меня это не просто истории и, главное, не просто персонажи, для меня это люди. Живые люди. Из плоти и крови.Людмила, Поль, Жан и другие, безымянные, рассказывают о себе. Почти все они говорят в темноте, ночью или в такой момент жизни, когда не слишком хорошо отличают день от ночи. Пытаясь разобраться в себе, они разоблачаются, открывают душу. Получается не у всех, но даже попытки заставляют меня сопереживать.Говорить, что сопереживаешь собственным персонажам, наверное, слишком пафосно, но повторяю: для меня это не персонажи, а люди, реальные люди, мои новые знакомые, которых я и представляю вам сегодня.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-106264-4

© Гавальда А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Куртуазная любовь 6
1 6
2 9
3 19
4 20
Нелегалка 21
1 21
2 24
3 26
4 29
5 30
6 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Анна Гавальда
Я признаюсь

Anna Gavalda
FENDRE L'ARMURE

Печатается с разрешения Éditions Le Dilettante и литературного агентства Anastasia Lester

Серия «Современная французская проза»

© Éditions Le Dilettante, 2017
© Позднева Т., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Посвящается Бенедикте

Куртуазная любовь

1

– Перестань, говорю тебе. Зря стараешься.

Я совершенно не хотела туда идти. Я устала как собака, чувствовала себя уродиной, к тому же мне нужна была эпиляция. В таком состоянии я за себя не отвечаю и, понимая, что мне ничего не светит, всегда напиваюсь вдрабадан.

Да, я чересчур щепетильна, пусть так, но это сильнее меня: если я выгляжу не супер, а моя «киска» не выбрита безупречно, я не позволяю себе никаких вольностей.

Да еще и с шефом умудрилась сцепиться, с этим кретином, пока клетки чистила, и это окончательно меня добило.

Все из-за этих «Паппи Сенситив», новой линейки консервов «Про Канина».

– Я не стану этим торговать, – повторяла я ему, – не стану, и все. Это форменное надувательство. «Способствует улучшению умственных способностей и зрения», – зачитала я, всучивая ему обратно эти чертовы консервы по восемь двадцать за упаковку, – улучшение умственных способностей, черт знает что, ага, да если б это было правдой, их самих надо было бы этим кормить, этих придурков.

Шефулька мой, уходя, плевался и шипел: про свой рапорт, про мой внешний вид, и как я с ним разговариваю, и что постоянного контракта мне не видать как своих ушей, и бу-бу-бу, и бла-бла-бла, но мне на это было глубоко наплевать. Меня нельзя уволить, и он об этом знает не хуже меня. С тех пор как я к ним пришла, их прибыль выросла вдвое, а в качестве приданого я еще и привела к ним всю свою клиентуру из магазина «Фавро», так что…

Засунь себе в жопу свой прибор учета рабочего времени. В жопу.

Не знаю, с чего это он так из кожи вон лезет с этим поставщиком. Наверно, коммерсант наобещал ему кучу всяких ништяков. Чехлы для телефонов в виде косточки, зубную пасту для его пуделя или же уик-энды на море… Или лучше: уик-энд на море под видом семинара по продажам, где можно будет оттянуться по полной вдали от благоверной.

Это бы ему подошло…

Я сидела у Самии, моей подружки. Поедала сладости, приготовленные ее матерью, и наблюдала, как Самия укладывает свои волосы, прядочка к прядке, волосок к волоску. Это отнимало кучу времени. По сравнению с этой укладкой ношение паранджи выглядело явным освобождением женщин. Я облизывала мед с пальцев и восхищалась ее терпением.

– Но послушай… С каких это пор вы торгуете всякими штуками для папиков? – спросила она.

– Чего?

– Ну эти твои консервы…

– Да нет же. Пап-пи. По-английски это щенки.

– Ой, прости, – хихикнула Самия. – Ну так и что? В чем проблема-то? Тебе что, вкус их не нравится?

– …

– Ладно, брось. Не делай такое лицо. Уже и пошутить нельзя. И вообще, пойдем сегодня со мной на вечеринку. Ну давай… Ну пажа-алуста… Ну пойдем… Лулу, хоть раз в жизни не бросай меня одну.

– Кто приглашает?

– Бывший сосед моего брата.

– Я его даже не знаю.

– Я тоже, да и наплевать! Заценим, подцепим, расслабимся, и будет о чем поболтать!

– Знаю я твоего братца, опять какие-нибудь его буржуйские дружки…

– И что? Не так уж это и плохо! Во всяком случае вас, мадам, вкусно накормят! К тому же не придется обзванивать добрую дюжину кузенов, чтобы найти, чем поживиться, а наутро тебе порой еще и свежих круассанов принесут.

Нет, правда, мне совсем не хотелось идти. Я не осмеливалась признаться, но меня ждала куча неотсмотренных серий Sexy Nicky, к тому же мне до смерти надоели все эти ее гениальные планы знакомств.

Мне становилось тоскливо от одной мысли о том, чтобы снова спуститься в метро, я замерзла, проголодалась, насквозь пропахла кроличьим дерьмом и хотела только одного: оказаться в своей постели наедине со своим сериалом.

Она отложила в сторону свою плойку «Бабилисс» и встала передо мной на колени, сложив губки бантиком, а руки – в молитвенном жесте.

Ладно, уговорила.

Вздохнув, я направилась к ее платяному шкафу.

Дружба.

Это единственное, что способствует развитию моих умственных способностей.

– Возьми мою майку «Дженнифер»! – крикнула она мне из ванной. – Она тебе будет супер!

– Э-э-э… Вот эту похабную штучку, да?

– Да брось, она классная. К тому же там на груди зверушка из стразов. Прямо специально для тебя, говорю же.

Снова уговорила.

Я одолжила у нее машинку для стрижки растительности, приняла душ и вся извертелась, пока наконец не уместила своих барышень Тити и Сиси в ее майке XXS со сверкающей Китти на груди.

Уже внизу, у почтовых ящиков, я обернулась к зеркалу посмотреть, виднеется ли сзади гребешок моего Мушуки.

О нет, черт возьми… Надо чуточку оттянуть вниз мои обтягивающие штаны.

Я обожала эту татушку. Это Мушу (на самом деле, по-моему, его имя произносится как Мущу) (это дракон Мулан[1]) (я этот мультик, не шучу, посмотрела по меньшей мере сто пятьдесят шесть раз и каждый раз плакала. Особенно в момент тренировки, когда Мулан все-таки удается залезть на вершину столба).

Парень, делавший татуху, поклялся, что набил мне самого настоящего дракона эпохи Мин, и я ему верю, поскольку он сам настоящий китаец.

– Вау… Вот это круть!

Она моя лучшая подруга, поэтому я не особенно оценила ее комплимент, но стоило мне увидеть лицо парня, выходившего в этот момент из лифта, как я поняла: это и вправду круто.

Он был в ауте.

Самия кивнула ему на стену:

[1] Мулан – главная героиня одноименного мультипликационного фильма студии «Уолт Дисней» (1998) по мотивам средневековой китайской баллады о Хуа Мулань – женщине, вступившей в армию.

– Эй, мсье… Огнетушитель здесь…

Пока он соображал, мы уже бежали к вокзалу, хохоча и держась за руки что было сил, потому как на наших каблучищах имели все шансы выступить в роли Бэмби и Топотуна[2] в ледовом шоу «Холлидей он айс».

Мы сели на поезд СКОП в 19.42 и проверили по табло, что если что-то пойдет не так, то у нас всегда есть в запасе ЗЕВС в 0.56, чтобы вернуться домой. В поезде Самия достала свои судоку, чтобы выглядеть эдакой конченой занудой, иначе бы к нам все время приставали.

[2] Бэмби – олененок, главный герой одноименного мультипликационного фильма студии «Уолт Дисней» (1942), снятого по мотивам книги австрийского писателя Феликса Зальтена. Заяц Топотун – его лучший друг.

2

Что до буржуйских друзей, то тут ты не ошиблась. По крайней мере четыре домофона преграждали путь к этим Чипстерам.

Четыре!

Честное слово, на этом фоне префектура Бобиньи – ну просто игрушечная ферма «Плеймобил».

В какой-то момент я уже было поверила, что эту ночь нам придется провести в обнимку с желтым мусорным баком. Рехнуться можно. А тут еще и Сами, как обычно, во всей своей красе: «Телефон-заблокирован-но-все-же-отправлю».

На наше счастье, какой-то парень вывел пописать своего карликового шнауцера, иначе бы мы до сих пор там торчали.

Мы прямо-таки набросились на него. Бедолага чуть не обделался. Хотя я ни за что в жизни не раздавила бы животное. Даже если, по правде сказать, к шнауцерам особой любви не питаю. Меня никогда не прикалывала грубая щетина. Борода, усы, бахрома на животе и вокруг лап, нет, серьезно, все это требует столько ухода, что убиться можно.

После того трезвона всех домофонов, который мы устроили, нас наконец-то впустили, а уж оказавшись в тепле, горячительное мы искали недолго.

Потягивая тепловатый, почти тошнотворный пунш, я просканировала помещение, оценивая ассортимент в свободном доступе.

Мдам. Я уже стала сожалеть о своем сериале. Сплошные маменькины сыночки, одетые по последней моде. Меня от таких совершенно не втыкает.

Вечеринка была по поводу какой-то высокохудожественной фигни, если я правильно поняла. Выставка фоток, которые сделала какая-то девица, съездив в Индию или куда-то еще. Я не разглядывала. В кои-то веки оказавшись с правильной стороны кольцевой автодороги, я не испытывала ни малейшего желания снова смотреть на бедных.

Так, ладно, не то чтоб у меня дома чего-либо не хватало.

Самия уже вовсю охмуряла какого-то гота с прядью волос, свисавшей ему на глаза, подведенные взятым у матушки черным карандашом «Жеме», и, честно говоря, мне никак не удавалось просчитать карнавальный план подруги, пока совсем рядом с ее маленьким заклепанным Дракулой я не заметила его приятеля в «Гуччи».

А, ну тогда о'кей. Тогда понятно. Тогда это хорошее селфи.

Уж я-то ее знаю, мою Самию. Мысль о том, что впервые в жизни ей, быть может, доведется потереться о настоящий ремень от настоящего «Гуччи», а не о какую-то подделку с Порт-де-Клиньянкур, создавала парню самые благоприятные условия.

По крайней мере, его херу.

Чтобы не выглядеть так, будто я им свечку держать собралась, я отправилась осматривать квартиру.

Фу.

Сплошные книги.

Сочувствую домработнице…

Я наклонилась рассмотреть фотографию кота. Священный бирманец. Это было очевидно по его белым «носочкам». Мне они нравятся, хотя с ними непросто. Да еще и просят за них… Один бирманец стоит как два сиамских, такие ножки обходятся недешево. Все это напомнило

мне о том, что мне еще предстоит распаковать все мои когтеточки и веревочные деревья. Уф… В этом отделе и так совершенно нет места. Дождусь окончания акции на…

– Знакомьтесь: Арсен.

Черт, как же он меня напугал, этот идиот.

Я его не видела. Парня, который сидел в кресле прямо за моей спиной. В скрывавшей его полутьме можно было разглядеть только его ногу. Ну, то есть скорее даже… его гейские носки и черные ботинки. И еще – руку на подлокотнике. Огромную руку, в которой он крутил маленький коробок спичек.

– Это мой кот. Точнее, кот моего отца. Арсен, познакомься, это…

– Э-э… Лулу.

– Лулу?

– Да.

– Лулу… Лулу… – повторил он суперзагадочным тоном, – Лулу, это может быть Люси или Люсия. А может, Люсилия… Или даже Людивина… Если только не… Люсьенна?

– Людмила.

– Людмила! Вот это мне повезло! Пушкинская героиня! А как там ваш Руслан, моя дорогая? По-прежнему разыскивает вас на пару с коварным Рогдаем?

На помощь.

Черт побери, стоит только какому-то психу сбежать из-под надзора, и, можешь не сомневаться, он достанется мне.

Ты прав. Вот это мне повезло.

– Прости, что? – сказала я.

Он встал, и я увидела, что внешне он совсем не такой, как я его себе вообразила по ногам. Что он даже откровенно симпатичный. Блин, мне от этого было не легче.

Он спросил, не хочу ли я выпить, и, когда вернулся с двумя бокалами – не с пластиковыми стаканчиками, а с настоящими стеклянными бокалами с его кухни, – мы с ним вышли покурить на балкон.

Я его спросила, почему кота назвали Арсеном, не из-за белых ли перчаток Арсена Люпена[3], чтобы дать ему понять, что я не такая дура, какой кажусь, и тут же заметила, как легкое разочарование проскользнуло в его глазах. Он наговорил мне с три короба комплиментов, но было видно, что про себя думал: «Вот ведь дерьмо, а с этой дурочкой будет не так просто переспать, как казалось».

Вот именно. Не верь глазам своим. Я грубовата, но это маскировка. Как гекконы на деревьях или полярные лисы, меняющие свой окрас зимой, так и я – меня настоящую не видать.

Есть такие куры, не помню, как называются, так вот у них перья на лапах, и они заметают свои следы, когда идут, ну а я в общем-то такая же, только еще хуже: я сметаю все заранее, даже не сделав первый шаг.

Почему? Потому что мое тело вечно искажает мою суть.

---

[3] Арсен Люпен – главный герой романов и новелл французского писателя Мориса Леблана (1864–1941), выходивших с 1905 года, «грабитель-джентльмен», ставший впоследствии культовым персонажем, героем множества как литературных произведений, так и кино-, и телефильмов и сериалов.

(И особенно сильно, когда я надеваю убойные майки своей подружки Самии, надо признать.)

В общем, начали мы с его кота, затем перешли на котов в целом, потом на собак, и то да се, и что они не столь благородные, зато куда более преданные, и уж от этого, неизбежно, добрались до моей работы.

Его не на шутку восхитило то, что я отвечаю за всю живность в «Анималенде Бель-Эбуа».

– За всю?!

– Ну да… За червей для рыбной ловли, за собак, морских свинок, песчанок, карпов, попугаев, канареек, хомяков и… уф… еще за этих… за кроликов… карликовых, вислоухих, ангорских… Ну и за всех прочих, кого из-за рома я сейчас позабыла, но кто все равно находится там, вот так!

(На самом деле я не совсем заведующая, но поскольку он живет напротив Нотр-Дама, тогда как я в северном пригороде за «Стад-де-Франс», то я почувствовала, что должна как-то уравновесить наши позиции.)

– Это великолепно.

– Что именно?

– Да нет, я имею в виду, что это все так колоритно. Прямо как в романе.

Да что ты? – подумала я про себя. – Таскать, маркировать, поднимать, складывать штабелями мешки кормов с тебя весом, объясняться с клиентами да с безумными заводчиками, которые вечно лучше всех во всем разбираются, с кинологами, вечно недовольными ценами, с бабульками, которые битый час не дают проходу, допекая тебя своими историями про старых брошенных кисок или же требуя обменять хомячка, которого уморил их внучек, с таким раздражением, словно их обманули с размером одежды. Объяснения с начальством, график работы, меняющийся на раз-два из-за всяких лизоблюдов, перерывы, за которые приходится бороться, а еще надо накормить всю ораву, проверить поилки, рассадить доминантных, убрать подальше дохляков, вышвырнуть окочурившихся и поменять более семидесяти лотков за день – это что, и впрямь так колоритно, да?

Без всяких сомнений, судя по тому, что он задал мне тыщу миллиардов вопросов.

И кто такие эти новые животные-компаньоны, и правда ли, что есть люди, занимающиеся разведением питонов и кобр в своих двухкомнатных квартирках, и есть ли толк от всяких мятных вкусняшек для собак, потому как у его деда был лабрадор, у которого чудовищно воняло изо рта (дальше в разговоре он уже говорил не «дед», а «дедушка», как пишут на банках варенья для богатеньких, это было мило), и люблю ли я крыс, и правда ли, что фильм «Рататуй» породил настоящую крысоманию, и кусали ли меня, и делала ли я прививку от бешенства, и держала ли я когда-нибудь в руках змею, и какие породы лучше всего продаются, и…

И что делают с нераспроданными?

Как поступают со щенками, которые слишком выросли?

Их что, убивают?

Ну а мышей? Если они чересчур расплодятся, их отдают лабораториям на опыты?

А еще правда ли, что люди спускают своих черепах в унитаз, а панки как заботливые мамочки носятся со своими собаками, и правда ли, что кролики не любят коноплю, а в парижской канализации свободно расхаживают крокодилы, и… и…

И я совершенно окосела. Но в хорошем смысле слова. Не то чтобы он меня достал, просто я захмелела.

Была подшофе, чего уж там.

А поскольку я обожаю свою работу, то вернуться к своим обязанностям меня, признаться, абсолютно не напрягло. Хоть я и находилась в богатом доме, к тому же рабочее время давно закончилось.

Я описывала ему все свои товары, снизу доверху, от стружек до потолка, и он слушал меня супервнимательно, приговаривая: «Потрясающе. Потрясающе».

Потрясающе.

– А рыбками ты занимаешься?

– И рыбками тоже, – кивнула я.

– Давай. Рассказывай.

Это было странно. Я развлекалась на все сто, хотя даже и не напилась всерьез.

Это было… Как он тогда сказал?

Колоритно.

– Прежде всего, мсье, необходимо сделать выбор между морскими и пресноводными, потому как вместе они далеко не уплывут. Ну а дальше, для аквариума с обычной водой я бы посоветовала вам очень красивых скалярий с длинными, элегантными плавниками – их движения столь величавы, а еще округлых дискусов – они действительно великолепны… А также данио, барбусов, расбор и голубых неонов, флуоресцентно поблескивающих, словно настоящие сокровища… Как светлячки, только в воде… Не стоит забывать и об отоцинклюсах, отменных чистильщиках, поедающих водоросли, и о сомиках плекостомусах, очищающих стекла, и… уф… лично мне еще очень нравятся боции-клоуны с тремя черными полосами поперек тела, суперстильные, но они в основном обитают на дне. Их нечасто можно увидеть. А еще – гуппи… И гурами тоже. Но с ними надо держать ухо востро, они агрессоры. Вечно порываются сожрать неонов. В любом случае советую вам выращивать их всех вместе, а покупать совсем маленькими. Само собой разумеется, мы предлагаем широкий выбор аквариумов. «Акватлантис», «Нано», «Эхайм», «Суперфиш» и, конечно, любые аксессуары, имеющиеся на рынке, а также эксклюзивную импортную продукцию. Гравий, камни, водоросли и водные растения, декор, системы фильтрации и подогрева воды, компрессоры и наборы для изменения кислотно-щелочного состава. Вот видите… У нас есть все…

Впервые в жизни я встретила человека, которого настолько интересовала, прямо-таки увлекала моя повседневная рутина.

Склад в самом конце магазина, километры, которые я прохожу за день, усталость, заботы о гигиене, борьба с чесоткой, с лишаем, с ринитами и все прочее. К тому же, мне кажется, он был искренним. Все это его действительно интересовало. Иначе мы бы уже давно заметили, что замерзаем за своей болтовней, облокотившись о перила балкона над зимним Парижем.

Я не говорю, что он втихаря не ощупывал меня глазами, но это было… э-э-э… как и он сам – ненавязчиво. И от этого тоже я чувствовала себя необычно. Ни я, ни моя грудь не привыкли к таким любезным манерам.

Я покрылась гусиной кожей, он предложил пойти внутрь, и мы вернулись к музыке и дыму.

Не успел он закрыть балконную дверь, как на него накинулась какая-то худющая девица, вся из себя возбужденная, и с придыханием принялась его расспрашивать, да где он пропадал, да чем он занимался, да почему музыка такая ду… и тут только она примолкла, заметив, наконец, меня.

Такая новость разом отрезвила эту тощую селедку.

– Ой, извини, – скривилась она, – я не знала, что ты… э-э-э… в такой *хорошей* компании…

(Да, да. Я это не выдумала. Эта маленькая дрянь действительно произнесла слово «хорошая» с особой интонацией.)

– Да. Ты не знала, – с кошачьей улыбкой ответил он.

Она посмотрела на меня и, растянув свои пухлые губы как можно шире, одарила любезной улыбкой, в которой читалось примерно следующее: «Гормоны разбрызганы, территория помечена, так что толстуха уберется отсюда немедленно, или я порву ее на куски», после чего повисла у него на плече, с тем чтобы отбуксировать к остальным.

Я тем временем попыталась разыскать мою Самию, но безуспешно.

Возможно, она была уже где-то на полпути к Италии, проследовав туда через свой «Бермудский треугольник»…

Никакой еды не осталось, музыка и вправду была отвратительная: как бы громкая, но так, чтобы не дай бог не побеспокоить соседей, гости сбились в маленькие непроницаемые группки, обособившись друг от друга.

Я достала из сумки пуловер и натянула его, чтобы мой Мушука не застудил свой носик, и, прежде чем пойти за своей курткой, просканировала напоследок квартиру, просто чтобы попрощаться с человеком, который единственный за весь вечер со мной заговорил.

Его обнаружить не удалось. Всего пару минут назад он был так увлечен, но, стоило только какой-то телке его подцепить, и он тут же переключился.

Что ж… Так бывает. Во всяком случае, со мной. И даже часто. Если парень проявляет интерес не только к моему товару, то это обычно длится недолго.

Быстро облапанная или быстро брошенная. Такая уж моя до-о-ля.

Я тут давеча рассказывала обо всех неприятностях, которые мне доставляет моя работа, но дело в том, что никогда ни один из моих питомцев не обошелся бы со мной подобным образом. Никогда.

Я уделяю им время, отношусь к ним по-человечески, забочусь о том, чтоб им было хорошо, и они помнят об этом.

Вне зависимости от времени дня всякий раз, как я прохожу мимо клеток, каждый из них так или иначе выразит мне свое расположение.

Они перестают жевать, поднимают головы, пищат, повизгивают, чирикают, сучат лапками, свистят и даже поют, а стоит мне уйти – алле-оп! – и мое зверье возвращается к своей еде.

Кстати, всякий раз, когда кто-то из них нас покидает, я грущу. Даже если это маленькая беленькая мышка или какой-нибудь идиотский попугайчик и даже если покупатели симпатичные.

Это полностью вышибает меня из колеи, и я надолго замыкаюсь.

Самия говорит, что это потому, что мои родители далеко и я накапливаю в себе нехватку любви. Не знаю. По-моему, на самом деле я просто дура.

Ух. Как же холодно. Внутри. Снаружи. И в голове, и на улице. Пальцы как ледышки, на душе промозгло.

Именно в такие моменты мысль о подведении жизненных итогов особенно неудачна, и именно в такие моменты побороть ее невозможно.

Я одна. Живу в мерзкой студии. Она еще меньше, чем каморка для отдыха на работе. По воскресеньям я хожу в гости к сестре и играю с ее малышами, пока она помогает мужу

заканчивать отделку их дома; в отпуск я никогда никуда не уезжаю, потому что мои любимые покупатели и некоторые жильцы моего дома оставляют своих животных на мое попечение. А еще на мне Ширли, маленький йорк консьержки. Все это служит прекрасным предлогом, чтобы не ездить в гости к дяде и тете, а кроме того, покрывает расходы на квартплату.

Все остальное время я вкалываю.

Иногда я хожу куда-нибудь с подружками и всякий раз попадаю в идиотские истории, одна хуже другой. На самом деле, когда я говорю «истории», это не совсем уместное слово, ну да ладно, и так все понятно.

Одна девица с работы доканывает меня, призывая искать любовь в интернете, но меня это совершенно не прикалывает.

Всякий раз, когда я что-либо заказывала, поверив фотографиям, результат меня разочаровывал. Люди совсем с ума посходили со своими компьютерами. Они всерьез во все это верят, хотя все это просто товар, выставленный на продажу в светящейся витрине.

Никто и не догадывается, что я могу быть такой. Что я из тех, кто мысленно в одиночку подводит жизненные итоги, разбирается в уместных и неуместных словах и даже имеет свою мнение об интернете.

В любом случае никто ничего не знает, так что…

Я вот еще несколько часов назад не знала даже, что посреди Парижа есть целых два острова. Только что, болтая на балконе, это обнаружила. В двадцать три года это печально.

Я быстро шагала к «Шатле», потому что боялась опоздать на свой поезд, а такси я себе позволить сейчас не могла, как вдруг:

– Принцесса! Принцесса! Не бегите так быстро! Вы потеряете ваш башмачок!

О нет…

Глазам своим не верю…

Снова этот агент Малдер…

Возможно, он что-то забыл у меня доспросить? Сколько стоит канарейка или прогулочный шар для хорька?

Он согнулся пополам и пытался отдышаться:

– По… Почему вы так… так быстро ушли? Вы… уф… вы не хотите выпить еще чего-нибудь напоследок?

Я объяснила ему, что не хочу упустить своего ЗЕВСа, и он рассмеялся, а потом предложил проводить меня на Олимп, и мне стало грустно.

Он был реально крут, и я прекрасно понимала, что долго не продержусь. Что, если я хочу продолжить игру, то придется соглашаться на постель. Да, я знала, что, за исключением моего зверья, мне больше нечего ему предложить, а все остальные мои козыри куда более банальны.

Я ничего не ответила.

Мы вместе сбежали вниз по лестнице, и там, поскольку у него не было билетика, я велела ему прижаться ко мне, чтобы пройти через турникет вдвоем.

Хе-хе… Сама себе сделала подарок и заулыбалась как Гарфилд.

На станции было пустынно, атмосфера стремноватая: у входа в туннель уже начала работу драгдилерская точка, вокруг лишь несколько гуляк весьма помятого вида да мертвые от усталости уборщицы.

Мы присели на последнюю свободную скамейку в самом конце перрона и стали ждать.

Старая как мир тишина.

Он молчал, не задавал больше вопросов, а я из страха, что у меня на лице написаны и вся моя непутевая школьная жизнь, и то, что я не получила никакого диплома, вела себя как геккон: не шевелилась, слившись с привычной мне средой.

Я читала рекламные слоганы, разглядывала собственные ноги и валявшиеся на полу обрывки газет, старалась подобрать отсутствующие слова и гадала: неужели он и впрямь собрался провожать меня до самого дома? Меня это чудовищно напрягало. Я была готова ехать хоть до Диснейленда через Орли, лишь бы только он не получил ни малейшего представления ни о моей жизни, ни о том месте, где я живу.

Ну а он рассматривал людей, и чувствовалось, что ему страшно хочется порасспросить их так же подробно, как меня.

Почем грамм? Откуда товар? И сколько вы навариваете? А если облава, что делаете? Убегаете по туннелю, да? А вы? Что отмечали? День рождения? Футбольный матч? И куда вы теперь? А ваши вещи от блевотины по-прежнему очищает ваша мама? Ну а вы, мадам? Убирались в офисе или в магазине? Тяжело? По крайней мере вам дают хорошие пылесосы? Вы из какой страны? А почему вам пришлось оттуда уехать? Сколько заплатили за выезд? Вы сожалеете? Да? Нет? Немного? А дети у вас есть? И кто сидит с вашими детьми, когда вы за полночь ждете поезд так далеко от Мали?

И все же через какое-то время, чтобы типа восстановить контакт, я не выдержала:

– Такое впечатление, что вы интересуетесь всеми подряд.

– Да, – пробормотал он, – это правда. Всеми… Действительно, всеми…

– Вы работаете в полиции?

– Нет.

– А чем вы занимаетесь?

– Я поэт.

О черт, вид у меня был дурацкий. Я даже не знала, что такая профессия все еще существует.

Он, судя по всему, это понял, поскольку добавил, повернувшись ко мне:

– Не верите?

– Верю, верю, просто… уф… э-э… Но это ведь не настоящая работа, чего уж там…

– Правда?

И он разом вдруг как-то погрустнел. Серое лицо, глаза брошенного спаниеля. Нет, правда, стало неприкольно, а мне не терпелось увидеть свою волшебную тыкву снова в форме.

– Возможно, вы правы, – сказал он совсем тихо, – возможно, это не работа. Но что тогда? Обманка, милость, честь? Мошенничество? Судьба? Или же удобный прием, чтобы заболтать красивую девицу, в жутком месте поджидающую молниеносного бога?

Блин. Возвращаемся в четвертое измерение.

Вот что случается, когда метишь выше собственной задницы – теряешь равновесие при первом же дуновении ветра.

А эта жирная ленивая электричка все не приезжала…

После паузы, куда более тяжелой, чем перед этим, поскольку теперь он глядел не вовне, а внутрь себя, и то, что там находилось, было отнюдь не столь «колоритно» и увлекательно, как пара наркоманов, трое пьянчуг и видавшая виды тетка, так вот после паузы, не поднимая головы, он задумчиво добавил:

– И тем не менее. Вот вы, Людмила, например. Вы. Вы живое доказательство того, что поэты нужны. Вы…

Я не сдвинулась ни на миллиметр, потому что мне было очень любопытно узнать, кто же я такая.

– Вы настоящая блазонная мечта.

– Что, простите?

Он просиял. И наконец вернулся к нам:

– В шестнадцатом веке, – затараторил он, снова повеселевший и уверенный в себе, – все рифмачи, стихоплеты, версификаторы и прочие фантазеры прикладывали к этому руку, или, иначе говоря, припадали к тем божественным прелестям, коими порой вы милостиво нас одариваете. Сочинение блазона состояло в прославлении разных частей женского тела исключительно простым и деликатным образом, и вот вы, прекрасная Лулия, когда я увидел вас…

Он придвинулся ко мне и, коснувшись моей головы, мягко проговорил:

Кудри длинные, прекрасные и вольные,
Тем сильнее мое сердце полонившие…[4]

Его рука скользнула по моим пирсингам к кольцу в ухе:

Ушко в сердце отражает
То, что ротик выражает.
Кто до щек решил дойти,
С ушком должен речь вести…[5]

И я окончательно окосела:

Мглу рождает и гонит прочь
Бровь изогнутостью своей…[6]

Затем его палец, как в детской считалке, проследовал дальше:

Нос ни длинный, ни короткий,
Гладкий, ладный и красивый…[7]

Я улыбалась. Он дотронулся до моих зубов:

Зубов прекрасных ровная гряда,
Ваш строй глаза не может утомить,
Но грустно, коль вас некуда вонзить[8].

И тут я рассмеялась.

---

[4] Отрывок из блазона «Волосяной браслет» Меллена де Сен-Желе (ок. 1491–1558).

[5] Отрывок из «Блазона об ухе» Альбера Леграна.

[6] Отрывок из «Блазона о бровях» Мориса Сева (ок. 1501 – ок. 1562).

[7] Отрывок из «Блазона о носе» Эсторга де Болье (ок. 1495–1552).

[8] Отрывок из «Блазона о зубах» Эсторга де Болье.

Ну а рассмеявшись, поняла, что я сдаюсь. Ну то есть могу сдаться. Что как-то разом вдруг запахло жареным.

На табло замигала надпись «Поезд приближается». Я встала.

Он последовал за мной.

На горизонте никого, и мы сели друг напротив друга.

И снова воцарилась старая как мир, странная тишина, затерянная в стуке колес. Несколько минут спустя он заявил как ни в чем не бывало:

– Конечно, существуют и другие… Я имею в виду блазоны. Вы ведь догадываетесь, что между вашими волосами и кончиками пальцев находятся, вернее – *могли бы найтись* множество иных источников вдохновения…

– Да неужели? – стараясь не улыбаться, ответила я.

– Самый известный, например. «Блазон о прекрасном соске» великого Клемана Моро.

– Могу себе представить…

Я пересчитывала лампочки в туннеле, чтобы сохранить серьезный вид.

– Или же, к примеру, о пупке. *Сей Узелок из божьих рук как завершенье совершенств последним самым вышел,* – он смотрел на меня и улыбался, – *сей уголок, где сладок зуд в преддверьи наслаждений*…[9]

– Даже о пупке?!?! – удивилась я тоном маленькой подлизы, чрезмерно интересующейся всякой белибердой из учительских уст.

– О да… О том я и говорю… О пупке и его соседях снизу…

Ну что за вечер. Что за инопланетный план соблазнения. В самом деле черт знает что. Если бы мне кто-то сказал, что однажды я сяду в полночный поезд метро с Виктором Гюго собственной персоной и что к тому же это будет меня заводить, вот честное слово, хотела бы я увидеть этого человека.

Тогда я его спросила, такая типа святая дотрога:

– И что же? Вы их не помните, о тех соседях?

– Помню, но… Э-э-э…

– Э-э-э что?

– Ну, в общем, мне бы не хотелось никого шокировать. Мы все-таки с вами в общественном месте, – прошептал он, указывая мне глазами на абсолютно пустой вагон.

И тут, в этот самый момент моей жизни, подъезжая к Северному вокзалу, я сказала самой себе три вещи:

Во-первых: я хочу переспать с этим милашкой. Я его хочу, потому что мне с ним весело, а если хорошенько подумать, так в мире нет ничего приятнее, чем вдвоем с милым парнем веселиться в постели.

Во-вторых: я буду страдать. Я снова буду страдать. Заранее понятно, что история провальная. Из серии войны миров, столкновения культур, классовой борьбы и тому подобного. Значит – ничего не давать. Раздеваюсь, прислушиваюсь к себе голодной, наслаждаюсь и сваливаю. Никаких телефонов, никаких смсок назавтра, ни ласк, ни нежных поцелуев в шейку, ни улыбок, ничего вообще.

Никакой нежности. Ничего такого, что могло бы оставить воспоминания. Стишок во славу, пожалуйста, но лишь пресытившись безмерно, не то наутро в понедельник я снова буду скулить как дура, подолгу замирая с крольчатами в руках.

[9] Отрывок из «Блазона о пупке» Бонавантюра Деперье (ок. 1510 – ок. 1544).

Потому что вся эта вереница тактильных стишков, конечно, очень красива, но это типичный приемчик съема, причем прекрасно отработанный. Судя по всему, он уже тысячу раз его применял, раз знает их все наизусть.

К тому же у меня вовсе не длинные волосы.

Так что там, наверху, молчать, подытожим перед наступлением. Маршрутный лист предельно прост: здрасте, мсье. Добро пожаловать, мсье. До свидания, мсье.

Было приятно.

В-третьих: только не у меня. Только не там.

– О чем вы думаете? – забеспокоился он.

– О номере в гостинице.

– О боже, – простонал он, якобы шокированный, – пушкинские героини… Мне стоило остерегаться.

Возбужденно улыбающийся поэт – это действительно очень соблазнительно.

Я смеялась.

– *О смех, ты открываешь мне свою небесную обитель*…

Лучше и не скажешь.

3

После череды событий, после кроличьей норки с червонной пуговкой иль рубиновым фермуаром[10], после круглого милого неприступного зада и тайного хода, таящегося меж двух холмов, куда врагу не подобраться[11], после нескольких часов прекрасных глупостей и болтовни на старом добром языке былых времен, когда мы уже отдыхали и он прижимал меня к себе, я спросила его:

– Ну а ты сам?

– Что я?

– Это всё штуки, которые ты вычитал в книгах, ну а ты сам можешь сварганить хоть что-то прямо сейчас? Для меня?

– Ты о чем, о ребенке? – будто бы ужаснулся он.

– Да нет же, идиот. О стихотворении.

Он так надолго замолчал, что я уж подумала, что он уснул, и, кстати, собиралась последовать его примеру, когда он вдруг приподнял прядь моих волос.

Поглаживая на моей ягодице усики моего Мушуки, он прошептал мне на ухо:

Святой Георгий ночи краткой,
Горжусь лишь тем я, что украдкой
Смог нужные слова найти,
Чтобы к дракону подойти.

Я улыбнулась в темноте и стала ждать своего часа.

Я не хотела засыпать. Заснуть значило бы довериться, отдаться.

Конечно, я уже страдала вопреки самой себе, еще бы. Когда кто-то тебя смешит, сколько ни отрицай, но твое сердце уже поимели.

[10] Отрывок из «Блазона о вагине» Клода Шаппюи (ок. 1500–1575).

[11] Отрывок из «Блазона о заде» Эсторга де Болье.

4

В итоге я поехала на ИВОНе в 06.06.

Меня окружали примерно те же люди, что были несколькими часами ранее на станции «Шатле», разве что уборщики из другой смены.

Все в состоянии коматоза.

Прижавшись лбом к стеклу, я жевала воображаемую жвачку, чтобы не так сильно сжимало горло.

Мне очень хотелось плакать. Я цеплялась за всякие глупости. Усталость, холод, ночь… Я твердила себе: «Все потому, что ты не выспалась, но вот сейчас ты примешь душ и сама увидишь, станет легче». Я выставила звук на максимум, чтобы снова заглушить все остальное.

В наушниках пела Адель. Я обожала ее голос. Он был моим собственным. Все время на грани надрыва. Ну и, конечно, до конца песни я не выдержала.

Что ж, по крайней мере не нужно будет смывать макияж.

Отыметь, оттрахать, засадить, вдуть, перепихнуться, отхерачить, чпокнуться, отработать, шпилиться, проштамповать… Вечно эти вспомогательные слова, чтобы говорить о любви, когда понятно, что никакой любви тут нет и быть не может. Но я – я никогда никому об этом не говорила, в особенности Самии, – но я, когда… У меня не бывает без. Мое тело, оно… Мое тело – это я. Это тоже я. Это то «я», которое внутри и…

И именно поэтому всякий раз я несу потери. Теряю перья.

Скорее – чешуйки.

Всякий раз.

Сама я никогда никого не предавала.

Никогда.

Я всегда любила по-настоящему.

О, смотри-ка… Вот и они: многоэтажки, граффити, комиссариаты полиции, капюшоны, плевки.

Вот я снова и дома.

Покинув ИВОНа (того поэта я даже не узнала, как зовут), я глубоко вздохнула и отправилась прямиком домой, в постель.

Я дула на свои пальцы, улыбалась сама себе, подбадривала. Ладно, говорила я себе, ладно… В этот раз все было по-другому, в этот раз тебя отблазонировали.

Ну все-таки.

Это высокий класс.

Нелегалка

1

Я переехала с детьми в крохотную квартирку за Пантеоном.

Пятый этаж без лифта, никудышная, несуразная, вся кривая и косая, я подсняла ее у сестры своего бывшего научного руководителя, с которой никогда в жизни не встречалась, и по телефону оказалась неспособной даже сказать, как долго намерена здесь прожить. Временное решение, временное положение, временная мера, она только об этом и говорила, и я предпочла ей не перечить. Конечно. Конечно. Все это временно. Я поняла.

Из слухового окошка в моем кабинете был виден запасной выход из святилища Великих Людей, мне нравилась эта маленькая дверь. Мне было приятно осознавать, что я работаю, сплю, готовлю, сжимаю зубы, воспитываю детей и все начинаю с нуля под сенью призраков Дюма, Вольтера, Гюго или же Пьера и Мари Кюри. Я знаю, это смешно, но честное слово, это правда. Я в это верила. Эти люди мне помогали. Большую часть нашей прошлой жизни мне пришлось упаковать и вывезти на склад, а здесь мы не имели права даже имя свое указать на почтовом ящике. Это мелочь, но дьявол прячется в мелочах, и уж тут он мог ликовать вовсю, ибо, хоть я и была прописана у одного из моих дядьев, но без почтового ящика, в таком паршивом жилье под самой крышей, поддерживаемые лишь мертвецами, куда более живыми, чем мы сами, на самом деле мы как бы перестали существовать. Нас не было ни там, ни где бы то ни было еще, и, перестав существовать, мы – пятилетний Рафаэль, Алиса трех с половиной лет от роду и я, тридцатичетырехлетняя в ту пору, – сами себя коварно отрезали от остального мира.

Отец детей погиб в автокатастрофе в прошлом году. Это был депрессивный, элегантный и добросовестный мужчина, оставивший меня с глубокими сомнениями относительно случайности своего столкновения с поклонным крестом на пустынной дороге в Финистере[12], но с полной определенностью в материальном плане, оставив мне в наследство, помимо двух сирот и сильно искореженного «Ягуара», денежное возмещение по договору страхования жизни, защищавшее нас от нужды на несколько лет вперед. На сколько именно, мне было неизвестно.

Он был гораздо старше меня, знал, что болен, не мог смириться с тем, что ему придется угасать на наших глазах, и без устали мне твердил, что я должна найти себе более молодого и здорового любовника, что я должна это сделать для себя, для детей и для успокоения его души. Главное, любовь моя, для успокоения моей души… Ты же знаешь, я такой эгоист… Я затыкала ему рот, сколько могла, своими поцелуями, протестами, отказами, бравадами, смехом и слезами, а потом, в конце концов, он все-таки утер мне нос.

Я очень на него разозлилась. Долгое время мне казалось, что, якобы избавив нас от переживаний по поводу своей деградации, он, наоборот, навсегда нас на них обрек. Я не позвала детей на его похороны и родных его не позвала, я одна проводила его в крематории Пер-Лашез и, возвращаясь обратно на метро, прятала под свитером еще теплую урну. В тот вечер я до смерти напилась с Лоренцем В., его партнером, и упросила его трахнуть меня. Я тогда была очень сентиментальна, как это часто бывает с молодыми вдовами. Я прожила несколько меся-

[12] Финистер – самый западный департамент Франции, название которого буквально означает «край земли».

цев с головой, зажатой в придорожном кресте, а потом решила переехать, и эта маленькая квартирка нас спасла.

Здесь не было ни мебели, ни воспоминаний, ни соседей, ни мясника, ни булочницы, ни киоскера, ни официанта кафе, ни виноторговца или служащего химчистки, который бы знал его и любил, потому что он был на редкость приятным человеком, здесь не было детсадовских друзей, столь же простодушных, сколь безжалостных, ни сочувствующих воспитательниц, слишком добрых, чтобы быть искренними, ни ориентиров, ни привычек, ни почтового ящика, ни дверного звонка, ни лифта, ни подстраховки, ничего – и мы наконец смогли расслабиться в нашем горе.

Вся наша жизнь теперь сжалась до четырех точек: универсам внизу, детский сад на улице Кюжа, аллеи Люксембургского сада и last but not least[13] паб «Бомбардировщик», притулившийся прямо напротив церкви Сент-Этьен-дю-Мон, где по вечерам мы всегда останавливались на паперти передохнуть, Рафаэль и Алиса пили лимонад, подсчитывали свои баллы, синяки, стеклянные шарики, карточки с покемонами или что там еще, пока их мама мягко, но уверенно нагружалась.

Уложив детей спать, я частенько спускалась обратно, на взлетную полосу «Бомбардировщика», и, никогда ни с кем не заговаривая, пристраивалась к тусующимся здесь студентам из Латинского квартала с пинтой пива в руке.

Да, я это делала. Да, я закрывала на ночь своих малышей и оставляла их одних. Снились ли им кошмары? Было ли им страшно? Просыпались ли они? Случалось ли им звать меня порой?

Не думаю.

Дети такие мудрые…

Когда мой любимый задумывался о своем крестном пути, он пил, и я частенько пила с ним за компанию, поскольку в общем-то мы были с ним заодно, ну а когда его не стало, я продолжила путь без него. У меня были некоторые проблемы с алкоголем, признаю. Хотя нет, смотрите-ка, все еще отрицаю. У меня не было никаких проблем с алкоголем, я просто была алкоголичкой. (Это ужасно, перечитав написанное, на последнем слове я осеклась, вернее даже споткнулась о него, спросила себя, не перебарщиваю ли я в духе той молодой сентиментальной вдовы, о которой писала выше, пошла проверить по словарю определение слова «алкоголик»: «Тот, кто пьет слишком много алкоголя».) Да, так. Я пила слишком много алкоголя. Распространяться на эту тему я не хочу, кто знает, тот знает, им незачем рассказывать, с какой изобретательностью мозг отправляется в услужение зеленому змию, ну а тем, кто не знает, все равно не понять. Однажды наступает момент, когда вдруг понимаешь, что выпить (и все связанные с этим помыслы: бороться, противостоять, торговаться, уступать, отрицать, продвигаться, сражаться, вести переговоры, ходить гоголем, сдаваться, раскаиваться, наступать, отступать, колебаться, падать, терпеть поражение) – это твое основное занятие. Пардон. Единственное занятие. Тот, кто однажды или не раз, но всегда тщетно, пробовал бросить курить, может иметь смутное представление о том моральном страдании, в которое нас погружает бессмысленность таких отношений с самим собой, с той лишь разницей, и разницей огромной, что курение в глазах общества не считается чем-то постыдным. Ну вот. Ладно, проехали.

Я поднимала детей, одевала их, мазала им бутерброды, наливала горячий шоколад, отводила их в садик, выпивала чашку кофе на улице Суффло, листала газету, делала покупки, при-

[13] Последняя, но не менее важная (*англ.*).

биралась в нашем домике, готовила детям обед, возвращалась за ними на улицу Кюжа, кормила их, провожала Рафаэля обратно в его группу и торопилась домой с Алисой, чтобы она не успела заснуть в коляске, укладывала ее, читала детективы, которые покупала на книжных развалах у «Жибера», «Булинье» или у букинистов по пятьдесят центов или по евро за штуку, будила Алису, мы шли с ней за братиком в сад (детский лепет выспавшейся малышки и радость большого мальчишки, наконец-то выпущенного на свободу, – лучшее время дня), я вела их в Люксембургский сад, смотрела, как они играют, дома мыла их, кормила ужином, читала им книжки, целовала перед сном и подтыкала одеяло.

И все это время алкогольные тиски не разжимались ни на минуту.

Ни на минуту не разжимаясь, лишь усиливая или ослабляя давление в зависимости от того, была ли я обессилена луной в своем животе или же ко мне внезапно являлся пошептаться мой любимый. Когда он просто приходил убедиться, что все хорошо, все было хорошо, но когда он в свою очередь стискивал мой живот, когда он являлся ночью и требовал свою половину постели, свою часть жизни и нас самих, я вскакивала в слезах и отправлялась на очередную «бомбардировку».

Я говорила, наша жизнь сильно сжалась.

А потом, однажды утром, я заметила тебя.

2

Я заметила тебя, потому что ты была красивой.

Я стояла, облокотившись о стойку и борясь с ночным недосыпом, читала новости дня, слушала болтовню своих соседей по сахарнице и наблюдала за тобой в зеркале над баром. Ты всегда сидела там, в глубине зала, на одном и том же месте.

Я любовалась твоей внешностью, осанкой, манерой держаться, элегантностью, руками, мне нравилась твоя веселость, улыбчивость и эта твоя манера быть здесь и в то же время где-то очень далеко отсюда, словно ты только что покинула объятия любимого или же готовишься к встрече с ним. Сексуальная, на вид умная, само совершенство, однако что-нибудь в тебе всегда было несообразным – прядь волос, воротничок, сборка, слишком свободный браслет часов, видавшая виды сумка, выбившийся из шлевки пояс, складка, круги под глазами – что-то, делавшее тебя… хотела было написать «неотразимой», но это чересчур очевидно. Фатальной.

Да-да, фатальной. С тех пор как существует Париж, о парижанках уже столько всего напридумано, сказано да понаписано, и теперь, глядя на тебя, я говорила себе: вот, это об этом, это о ней. Это все о ней, и нет ничего верней.

Я так остро ощущала твою красоту еще и потому, что в зеркале в пандан твоему видела собственное жалкое отражение, и стоило мне его заметить, как я принималась усердно перемешивать свой кофе. Я выглядела черт-те как, худая, бледная, в одних и тех же джинсах, которые носила не первый месяц, надевая поочередно одну из двух пар, в рубашках моего покойного, в его кашемировых свитерах, с его платками и шарфами, в его же пиджаках, с коротко остриженными волосами, дабы не заниматься больше своей прической, я перестала краситься и пользоваться духами, я бросила бегать, но не расставалась со своими кроссовками, на одном из зубов у меня был кариес, а может, и на двух, я и не думала их лечить, я слишком много пила, была обезвожена, с шершавыми руками, сухой кожей, сухим телом, и все во мне дурно пахло.

Ты мне потом призналась, что тоже наблюдала за мной и завидовала моей непринужденности и шику. Смешно.

Ты заметила изысканные хлопковые вставки на карманах моих потертых джинсов, сколь нежны мои слишком длинные кардиганы, рукава которых заменяли мне митенки, качество твида и прочих материй, в которых я хоронилась.

Тебе все это казалось шикарным, таким шикарным, говорила ты…

Ты всегда заказывала кофе со сливками и бутерброд, с которого маленькой ложечкой снимала излишки масла, и большую часть времени занималась смс-перепиской. Склонившись над экраном своего телефона, ты улыбалась. Было несложно догадаться, что ты влюблена и начинаешь свой день, болтая с мужчиной (женщиной?), который (которая?) делает тебя счастливой. Порой твои улыбки увлажнялись, а ямочки на щеках выглядели шаловливо. Как это назвать – когда, улыбаясь, смсничаешь о сексе? Что начинаешь свой день с смс-секса? Да, каждое утро ты с аппетитом кусала свежую булку, обмакнув ее в кофе со сливками, и обсуждала свою жизнь с кем-то любимым, это бросалось в глаза.

В другие разы твой телефон оставался в сумке или же лежал около чашки и молчал. Ты была все так же прекрасна, но выглядела слегка потерянной, сбитой с толку. В такие дни тебе случалось смотреть по сторонам, и мне кажется, что именно тогда мы с понимающим видом улыбнулись друг другу. По правде сказать, в этом не было никакого дружелюбия, простая учтивость между пассажирами одного и того же корабля. Частенько говорят о сухости парижан и никогда о таком вот взаимопонимании, которое известно только им самим. Таким образом, мы стали шапочно знакомы, но, возможно, так никогда и не заговорили бы друг с другом, если

бы однажды не заболела воспитательница Рафаэля и я не явилась бы поутру в «Кафе де ля Сорбонн» с двумя моими зайками наперевес.

Мы выбрали столик рядом с тобой, признаюсь, неслучайно, и не успели усесться, а ты уже пожирала глазами мою малышку. Алиса, которую жизнь еще не научила тому, что она не настоящая принцесса, отвечая твоему жадному взгляду, исполнила тебе свой коронный номер маленькой обольстительницы, и я видела, как ты таяла, когда она показывала тебе свою любимую мягкую игрушку, потом игрушку своего брата, свою переводную татуировку «Малабар», потом татуировку брата, свои разноцветные стеклянные шарики, потом стекляшки брата, скрещивая и разводя в стороны свои пухленькие ножки и безостановочно поправляя на голове крохотную заколку с блестками, служившую ей диадемой.

Однажды об этом стоило бы написать: об изяществе совсем маленьких девочек.

Дети полностью захватили твое внимание, и в тот день мы едва перекинулись парой слов. Я узнала, что тебя зовут Матильда, потому что об этом тебя спросил Рафаэль, но я сама ничего не говорила. Я молчала, потому что почти не спала в ту ночь, я молчала, потому что мне надо было как-то подлечиться, а с детьми на руках это непросто (вот что значит алкоголизм: приблизиться к женщине, которая не первую неделю тебя восхищает, благодаря светлому присутствию двоих детей, не просто чудесных, но еще и твоих – вот ведь какие молодцы, позавтракать с ними всеми в кафе за баснословные деньги в городе, который восхищает весь мир, и все это время думать лишь об одном, хуже того, быть полностью порабощенной этой одной-единственной мыслью: под каким товаром – и тут ты думаешь о размере, ты думаешь об объеме, ты думаешь об упаковке хлопьев, например, – смогу я спрятать бутылку «Джонни Уокера» в этой чертовой пластиковой корзинке отстойного универсама внизу моего дома?), я молчала, потому что мне нечего было сказать, я молчала, потому что все это было чересчур оглушительно, весь этот шум наверху, я молчала, потому что отвыкла говорить, я молчала, потому что проиграла.

В последовавшие за этим дни ты не приходила в «Кафе де ля Сорбонн». Затем были школьные каникулы, кажется, февральские, и однажды утром, когда я уже потеряла привычку искать тебя взглядом, ты появилась и уселась за барную стойку рядом со мной. Ты поздоровалась со мной, заказала себе лунго, мы молча посидели некоторое время. Когда я, извернувшись, полезла искать в кармане мелочь, ты коснулась моей руки и сказала: «Оставьте, я вас угощаю», и только в этот момент, когда я повернулась к тебе, чтобы поблагодарить, то увидела, что на тебе лица нет. Я накрыла своей рукой твою, и ты разрыдалась. «Простите, – ты смеялась, извинялась, сожалела, – простите, простите». Я не стала убирать свою руку, но отвернулась.

Не знаю, сколько времени мы так просидели, ты делилась со мной своей печалью, я поверяла ее своей. В какой-то момент ты прошептала: «Ваши дети… Они такие милые», и я окончательно сломалась.

Хозяин бара подошел к нам, благодушно бранясь. «И что ж это, девушки? Что ж это такое? Разве у меня так плохо? Вы мне сейчас тут всех клиентов разгоните! Что вам налить для поднятия духа? По стопке кальвадоса?»

Вот уж я была рада.

Мы выпили залпом. Ты задохнулась, я снова задышала, и под действием этих нескольких спасительных сантилитров гелия в моих венах я пригласила тебя тем же вечером поужинать у нас дома.

Ты улыбнулась мне, я спросила, есть ли у тебя чем записать, и на картонке под пивную кружку написала тебе адрес нашего скромного жилья и – домофон обязывает – имя тех, кем мы не являлись.

3

Ты пришла нагруженная: цветы, торт, шампанское, подарки для детей… Дети были так счастливы.

Так счастливы… Не из-за подарков, а из-за того, что ты пришла. Впервые окружающий мир пробрался к нам в гости, впервые кто-то поднялся нас навестить, жизнь возвращалась.

Ты тогда этого не знала и думала, что это все твоя кукла Королль, лук и стрелы, наклейки, волшебная бутылочка и цветные карандаши так возбудили детей, но, если помнишь, развернув все эти радости, они мечтали только о том, чтобы взять тебя за руку и показать тебе свою спальню, свои игрушки, свой мир, лесенку к их двухэтажной кровати, которая все еще была им в новинку, фотографии своих детсадовских групп, фото папы и Тоби, собаки их бывшей няни, и весь свой прочий очаровательный кавардак. То счастье, которое ты им принесла, было не материальным, и ты так хорошо справлялась с ролью…

И вот тут-то, глядя, как ты взволнована, с каким вниманием и любопытством слушаешь их, стараешься запомнить имена их пупсов и плюшевых игрушек, имена их детсадовских друзей, разобраться во всяких Вигглитафах, Джигглипуфах, Слоупоках, Псидаках и прочих покемонах с самыми невообразимыми прозвищами, я поняла, что ты больна детьми, как я мучима жаждой.

Под нашим присмотром дети поужинали, потом Алиса настояла, чтоб именно ты переодела ее в ночную рубашку, расплела ей косы и долго расчесывала, и, делая это, ты не переставала восхищаться шелковистостью и золотым оттенком ее волос, и тем, как они кудрявились, и тем, как они пахли… Потом опять же ты прочла им историю, затем вторую и еще третью, пока я не вмешалась, чтоб освободить тебя от своих детей и твоей тоски.

Пока мы болтали о том о сем, отдавая должное великолепному ризотто и твоей бутылке шампанского, ты помянула мой «шик», и я возвела очи горе, к потолку, так сказать, вернее, к балкам, после чего мы переместились в гостиную, то есть пересели, на пару метров отойдя от стола.

(Тут я открываю скобки, потому что именно о нашей гостиной мне кажется важным рассказать. Да, думаю, все продолжение этой истории проистекало из достоинств моего дивана, и не будь его, мы бы той ночью не стали друзьями. Быть может, позже, наверно, и даже наверняка, но не той ночью. Потому что я себя знаю: я влюбляюсь на всю жизнь, но влюбляюсь нелегко. И уж тем более в тот период, когда по соображениям безопасности я закрылась на все замки. В тот момент я никак не могла позволить чему бы то ни было проникнуть в мой скафандр. Даже любви. Прежде всего любви. О нет. Я была абсолютно герметичной алкоголичкой.

Мы жили в меблирашке со всем тем набором гнусностей, который подразумевается в этом слове: чересчур тяжелые тарелки, чересчур легкие одеяла, чересчур мягкие кровати, чересчур синтетические шторы, чересчур идиотские предметы (так, на камине на подставке – даже дети его вспоминают – стояло чучело пираньи), чересчур высокие стулья и чересчур уродливый диван. Понемногу я все в конце концов поменяла – время, потраченное на блуждания по отделам больших магазинов, не было утопленным в стакане, – вот только на кровати и диван моего мужества не хватило. Для этого нужно было заказывать доставку, а значит, договариваться о точной дате, а значит, строить планы на будущее, а значит – нет. Это было выше моих сил. Однако так получилось, что на прошлой неделе мы все втроем ходили на рынок Сен-Пьер за тканями для карнавала в детском саду. Справляться с будущим черт-те как, но с радостью приукрашивать настоящее, отрицать его, обманывать, наряжая и маскируя. Алиса,

кто бы мог подумать, хотела платье принцессы, и мы погрязли в облаках тюля, газа, муслина, сатина и гладью расшитых тканей, а вот Рафаэль, кто бы мог подумать, хотел костюм покемона. Именно благодаря отсутствию у него воображения мы и наткнулись в маленькой лавке на улице д'Орсель на залежи искусственных мехов – настоящее золотое дно. Норка, лисица, ласка, шиншилла, кролик, Пикачу[14], чихуахуа[15] – глаза разбегались, и мы столько всего нахватали, что мне пришлось вызвать на помощь такси, чтобы довезти до дома всю эту нежность, разложенную по огромным пластиковым пакетам.

В тот же вечер я превратила наш уродливый диван в настоящего Ум-Попотта[16]. Эта гениальная идея принадлежала не мне, а Рафаэлю. Вернее даже Клоду Понти, который, как никто, разбирается в самых мягчайших покровах. В его книгах всегда рано или поздно маленький герой, с которым жизнь обходится сурово, – а ведь я до сих пор на все лады смаковала собственное горе и ни слова не сказала о детях, потерявших такого доброго и веселого папу, каким был мой муж, – находит прибежище в чьей-то безграничной нежности. Описать это невозможно, надо прочесть эти книги, чтобы понять, во что превратился для Алисы и Рафаэля наш новый диван. В эдакого пузатенького Ум-Попотта, в родителей Упса, в Фульбазара и в маленького Пуфа. Диван перестал быть диваном, он превратился в большого добродушного зверя, который заглатывал детей, когда они возвращались из сада или просто чувствовали себя обездоленными, и бесконечностью ласк закрывал от мира. Ощущение нежности усиливала пара диванных подушек, которые я соорудила, чтобы дети тоже могли потискать зверя в своих объятиях. Как бы ни относились к этому пылевые клещи, но эти несколько метров меха стали самым разумным приобретением за все время нашего восстановительного периода.)

Итак, мы переместились в гостиную, и ты тут же сбросила свои балетки, чтобы свернуться в утробе нашего друга, подтянув ноги под себя и забаррикадировавшись подушками.

Я сидела, как мне нравится, то есть на полу, и смотрела, как Ум-Попотт тебя поймал, и ты умиротворенно улыбнулась, и лицо твое повеселело, как у маленькой девочки после слишком долгого дня в школе.

Мы смотрели друг на друга.

Я предложила тебе ромашкового чая (алкоголики избегают алкоголя) (и именно благодаря этому их легко узнать), ты спросила, нет ли у меня чего-нибудь покрепче (да ладно), нет, а хотя, вот уж кстати, кажется, у меня оставалась где-то бутылка виски. Подумать только, какая удача. Я налила нам полные стаканы (мы в меблирашке, у меня нет стаканов поменьше), и со своими «ромашками» в руках мы откинулись назад, ты – к своему пузатому зверю, я – к своей стене.

Мы пили.

Дети спали, нас убаюкивал смех и голоса ночных гуляк, доносившиеся снизу, свечи рассеивали свет, радио ФИП задавало тон, мы смотрели друг на друга.

Мы ничего друг о друге не знали, кроме того, что мы обе из тех, кто может всплакнуть за стойкой бара зимним утром в Париже.

Мы присматривались друг к другу, оценивали.

---

[14] Разновидность покемонов.

[15] Самая маленькая порода собак.

[16] Ум-Попотт – герой детской книги «Собака-невидимка» французского писателя Клода Понти.

Ты потягивала свой виски, я заставляла себя делать так же. Это было непросто. Я была в нокдауне и цеплялась за свой стакан, как за веревки ринга. Ты отклонилась назад, положила подушку себе на живот и спросила:

– Где их отец?

4

Ты слушала меня и молчала, я налила себе еще виски, и ты поняла, ничего мне не сказала, но было видно – ты видела, что свой торфяной напиток я пью как молоко, а потом настал мой черед. Или твой.

– Ну а ты? – спросила я.

– Что я?

– Почему ты здесь?

Уклонилась. Улыбнулась. Вздохнула.

– У тебя много времени?

– Вся ночь, – ответила я, – вся ночь.

5

Ты опустила голову и пробормотала: «Ну что ж, я, меня…»

Я смотрела на тебя и видела, что ты не пытаешься увильнуть, напротив, так и сяк крутишь в голове свой клубок и ищешь достаточно крепкую нить, дернув за которую сможешь его размотать.

У нас впереди была целая ночь, я привыкла ложиться поздно и сидеть вот так вот отрешенно со стаканом в руке. Я никуда не спешила. Я смотрела на тебя, ты по-прежнему казалась мне очень красивой, и мне бы очень хотелось, чтоб любимый мой был сейчас здесь и чтоб он тоже тебя увидел. Мне бы хотелось тебе его представить. Мне бы хотелось вас познакомить. Он так любил красивых женщин с мягким взглядом насмешливых глаз, как у тебя. Конечно, он бы оставил нас вдвоем, но перед уходом обязательно бы нас рассмешил. Больше всего на свете ему нравилось смешить умных женщин. Он говорил, что таким образом приближает нас к людям и вместе с тем благодарит за то, что мы существуем да еще и терпим его рядом с нами. С ним мы хихикали как дурочки, и тем сильнее он нас любил.

От этих мыслей мой взор затуманился, и, увидев, что я тону, ты набралась мужества и бросилась в омут с головой.

– Погоди, – заспешила ты, подняв руку, – не плачь. Сейчас я тебя повеселю.

Слишком поздно – я уже плакала. Как говорили дети, меня достало, что он ушел, меня достало.

– Ты была в интернате? – спросила ты.

– Нет.

– А я была.

Ты выпрямилась и поставила свой стакан. Ты нашла свою нить.

6

– Восемь лет. Пятый, шестой, еще раз шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый и одиннадцатый класс. Восемь лет – это много. Самый конец детства и весь подростковый возраст. Все свое отрочество я считала дни. Хорошее начало жизни, не правда ли? Я из семьи военных. Наземные войска. 1-й ГПП. Гусарский парашютный полк. Один предок в Вальми, другой в Севастополе, двоюродный дед в Вердене и два родных в Арденнах в мае 40-го. Успешнее не придумаешь. *Omnia si perdas famam servare memento*. «Если ты все потерял, вспомни, что честь осталась». Это их девиз. Каково? Задает обстановку, не правда ли? Меня назвали Матильдой, но моей матери пришлось повоевать, чтобы этого добиться, потому что святая Матильда, видите ли, немка. Спасибо, что наш тогдашний кюре дал свое благословение, иначе была бы я теперь какой-нибудь Терезой или Бернадеттой. Меня отправили в интернат, когда мне исполнилось десять лет. Училась я прилежно, в школу пошла на год раньше, и вот так вот разом в десять лет и в самое пекло. Двое моих братьев, Жорж и Мишель… Всех мужчин в семье так зовут, в честь святых покровителей профессии. Жорж, он же Георгий, это из бронированных, тот, что громит своего дракона в доспехах, а Мишель – заступник парашютистов, который с небес врагов низвергает в ад, и… Э-э-э… Так на чем я остановилась? Ах да, меня отправили в интернат, потому что моих братьев уже туда отправляли и, как мне напомнил отец, чтобы я перестала хныкать, это их не убило. Ладно, о'кей, и что же на это мог ответить маленький новобранец? Смысл в том, что семья военных – это постоянные переезды, а интернат – это благо, потому как это стабильность. Это *стабильность*, понимаешь? Это тебя уравновешивает. Прививает принципы. Структурирует. Тебя запихивают туда, и ты там растешь по шаблону и принимаешь в точности форму этого шаблона, чтобы ничего лишнего, и в итоге получаешься тютелька в тютельку правильного размера и правильного калибра, идеально подходящего под пушечное жерло. Идеальной для брака, чего уж там. Чтобы найти себе красивенького младшего офицера и наделать с ним кучу маленьких парашютистов для Франции. Ладно, я не собираюсь все валить в одну кучу. Это отдельный мир, и, как и везде, там есть дураки и хорошие люди. К тому же, охотно признаюсь, именно там я встретила много очень хороших людей, действительно очень хороших, искренних, красивых. Но, видишь ли, я тут на днях слушала по радио философа Элизабет де Фонтене, говорили о корриде, и то, что она сказала в осуждение этого обычая, произвело на меня такое сильное впечатление, что я нашла эту передачу в интернете, чтобы записать ее слова. Погоди, я сейчас.

Ты встала, вынула из сумки блокнот и села обратно, на этот раз не подтягивая под себя ноги. Ты зачитала вслух:

– «Аристократическая мораль, военная честь, честь имени… Философия заставила меня порвать со всем этим. Вот так. Поэтому я не могу принять вашу сложную систему этических оправданий, ссылающуюся на ценности, которые я считаю устаревшими. Это не значит, что не надо иметь чести, я стараюсь ее сохранять, но надо понять, что эта модель мужественности, храбрости, превосходства – это модель, отслужившая свое, и она отслужила свое по причине преступлений XX века». Спасибо, Элизабет. Спасибо, милая дама. Тут все сказано. Я варилась в этом все свое детство. Все свое детство я провела в этой модели мира с его устаревшими ценностями. Меня отправили в интернат для моего же блага, и мою мать не сильно взволновал мой отъезд, поскольку ей надо было разбираться с четырьмя младшими, к тому же на подходе был еще один, так что у нее и без меня было чем заняться. Сама она всегда говорила, что у нее остались прекрасные воспоминания от времени, проведенного у монашек, что там она нашла себе подруг на всю жизнь и что… короче, наплевать. Мне все это совершенно не подходило.

В первые годы я возвращалась домой на выходные, затем они переехали в По, и я приезжала в семью только на каникулы, а потом они отправились в Новую Каледонию, и тут уже даже на Рождество мне больше ничего не светило. Но тогда, хочу я тебе сказать, тогда было уже слишком поздно. Зло уже совершилось, мне уже не было больно. Зачем я тебе все это рассказываю? Потому что… Кстати, подлей-ка мне еще твоего волшебного зелья… Потому что интернат целиком и полностью сформировал мое отношение к ходу времени. Просто ко времени. Время для меня, я хочу сказать, скоротечное время, то, что в песочных часах, – это враг. Это враг, это скука, это провал. Я пыталась избавиться от этой муки, но… Нет, погоди, я забегаю вперед. Помнишь детскую песенку: «В понедельник утром император с женою и маленьким принцем явились ко мне» и так далее, и понеслось, и как заладят, так и давай надрывать тебе… уши до самого воскресенья, знаешь ее? Я ненавижу эту песенку, у меня истерика начинается, стоит мне ее услышать. Для меня, да я думаю, что для многих, кто прошел через интернат, будучи абсолютно к этому не приспособлен, неделя выглядела примерно так: в понедельник ты грустишь, но у тебя еще остается при себе немножко накопленного домашнего тепла, так что не страшно, ты держишься на своих запасах, во вторник уже тебе дышится тяжелее потому что… потому что это только начало… Среда[17] – вонючий день, для всех остальных, там, на гражданке, среда – это супердень: занятия только утром, а потом игры, мультики, танцы, конный спорт, подружки, музыка или уж не знаю что там еще. Среда – это классно. Роскошный день. К тому же разбивает неделю пополам. В интернате в среду после обеда пахнет плесенью. Пахнет сыростью. Пахнет грязными носками. Это то, что называется жизнью в сообществе, и это то, что я ненавижу. В среду мы делаем все друг у друга на голове, даже скучаем, особенно скучаем, и это тоскливо до невозможности. Это опустошает. У военных есть такая присказка: «В казарме мы ничего не делаем, но делаем это с раннего утра и все вместе», так вот это именно так. В среду и на выходных, если тебя позабыли в этой камере хранения, ты ничем не занята, но видишь по взгляду твоей соседки, как это самое ничто превращает тебя в вялое, безропотное и неблагодарное существо… Ты здесь, но в этом нет никакого смысла. И в жизни нет никакого смысла. Настоящая жизнь – не здесь. Она идет где-то там, далеко. Мода, музыка, любовные истории, интриги, всякие там «она просит меня сказать тебе, чтоб ты спросил у Н., хочет ли он с ней гулять», смешки, поцелуи, предательства, шопинг, каток, сувениры… Все это – без нас. Прежде всего это несовместимо со взглядами твоих родителей, к тому же ты все равно под замком, так что проблем нет. Ладно, конечно, ради развлечения можно заняться пастырской деятельностью. Если хочешь, можешь делать добрые дела. Можешь петь для стариков, можешь вместе со старыми монашками натирать воском их молельные скамеечки, можешь пойти забавлять больных или – еще лучше, еще веселее – старых умирающих монахинь. Это вообще бинго. Тут уж в «классиках» юных девственниц ты по сумме очков обходишь всех. К Рождеству тебе просто вручают сверток со всякими мелочами. И если добавить к ним чудовищно длинные службы, от которых тебя мутит, и молочные шоколадки, то получишь свой рождественский календарь[18]. Ладно, на чем я остановилась?

– На среде.

– Ах да, спасибо. Короче, среда – это как на «губе» наряд на чистку картошки. Четверг… четверг – это самое плохое… Самый длинный день недели. В четверг, если после отбоя тебя не ждет хорошая книга, то лучше сразу повеситься. Можешь сходить причаститься. В пятницу ты снова поднимаешь голову. На перемене стоишь неподвижно, высматривая птиц вдали и надеясь увидеть зелень. В пятницу уже чувствуется, что земля где-то близко. В субботу утром ты…

[17] Во Франции в среду у школьников нет занятий или короткий день.

[18] Рождественский календарь, или адвент-календарь, – специальный календарь, показывающий время, остающееся до Рождества. Обычно делается в виде картонного домика с открывающимися окошками, где в каждой ячейке лежит конфета, записка с пожеланиями или маленький подарок.

Эй, – ты торжествовала, – вижу, ты улыбаешься! Великолепно! Мне нравится, что я заставила тебя улыбнуться. Я рада.

– Так что ты делаешь в субботу утром?

Я улыбалась. Это было в новинку. Это было приятно. Со мной такого давно не случалось. Я улыбалась и плакала теплыми слезами. Наконец улыбнувшись, я смогла наконец расплакаться. Не горькими скупыми слезами, как раньше и даже сегодня утром в кафе, а теплыми, крупными, всласть. Тело отпустило. Твердость улетучилась. Печаль растаяла. Впервые я ревела не в одиночестве. Впервые за год два месяца и пять дней. Из-за того что мой любимый погиб в одиночестве, я запрещала себе оплакивать его на людях. И я ни разу не сломалась, ни перед кем. Не знаю почему. Наверно, из преданности. Чтобы признать его правоту. Чтобы признать свою правоту. Чтобы убедиться в том, что я его поняла и простила. Я имела право клясть его на чем свет стоит, но только наедине. Тогда можно. Когда я была с ним один на один и не слишком трезва, он получал от меня по полной программе, но этой ночью я была с тобой. И ты рассказывала мне такие невозможные, неслыханные, такие экзотические вещи, мне, единственной дочери родителей-интеллектуалов, таких мягких, либеральных, миролюбивых… Да. Для меня все это было экзотикой… Я могла себе позволить реветь перед тобой, мне было нечего опасаться. Мы жили на разных планетах, выросли на разном молоке и молились разным святым, но и ты, и я, мы обе были одинаково циничны. Одинаково сдержанны. Одинаково нежны. А еще ты не знала его, а еще… А еще я ревела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.